

18+ АННА ПОПОВА

ПОДРУГА,
ЛЮБОВНИЦА,
МАША И
ОДИН МЕРТВЫЙ
БЫВШИЙ

Анна Попова

**Подруга, любовница, Маша
и один мертвый бывший**

«Издательские решения»

Попова А.

Подруга, любовница, Маша и один мертвый бывший /
А. Попова — «Издательские решения»,

«Подруга, любовница, Маша и один мёртвый бывший» — Психологический роман о предательстве, материнстве, дружбе и выживании. #Одна осталась наедине с ребёнком, в мире, где ему нет места. Вторая в попытках быть счастливой стала причиной чужой боли. Третья бежит от собственной утраты, спасая других. #Это книга о материнстве, о котором не принято говорить. О дружбе, которая выдерживает стыд, обиду и усталость. О прошлом, которое придётся прожить. И о силе, которую даёт прощение.

© Попова А.

© Издательские решения

Содержание

1	7
2	9
3	14
4	16
5	20
6	22
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Подруга, любовница, Маша и один мертвый бывший

Анна Попова

© Анна Попова, 2026

ISBN 978-5-0069-8191-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я очень долго не могла приступить к написанию этой книги, а когда, наконец, смогла, бесконечно проваливалась в глубокую прокрастинацию. В этом смысле меня сгубила любовь к хорошей литературе, мне казалось, что не пишу я и никогда не смогу писать, как мой любимый Антон Павлович Чехов, например, а какой тогда смысл приступать к работе? Чтобы написать еще одну книгу к миллиону уже написанных, чтобы ее выпустило издательство, извело на нее пару деревьев бумаги, и я, держа ее в руках, смогла бы, наконец, потешить свое непомерное эго? Сейчас я поняла, наконец, со всей ясностью, что как Чехов я действительно никогда не напишу, и это более чем нормально, ведь он писал о дворянской России XIX века, о проблемах мещан, театров и молодых влюбленных, парящих далеко над пресной реальностью, душах.

Предел же моих возможностей, это написать, как я. Как Аня Попова. И темой моей книги будет то невидимое поле битвы, на котором ежедневно, ежечасно сражаются сотни тысяч женщин здесь и сейчас, в первой четверти XXI века. Написать о любви, вине, стигме, об отвержении и усталости, о счастье и неизмеримой великой всепрощающей силе и о том, как все это, нитками сплетаясь из самых разных уголков души, характера, сердца, образуют собой чувство материнства.

Я пишу потому, что я вправе об этом говорить.

Я пишу потому, что устала ждать, как об этом расскажет кто-то другой.

Я пишу потому, что хочу, чтобы каждая мама, столкнувшаяся с особым материнством, знала: — она не одна, а значит, хватит проживать это в одиночестве.

Я пишу потому, что хочу сказать, надежда есть, даже если прямо сейчас кажется, что нет.

Я просто хочу поговорить. О себе тебе, подругах и их мамах, о женщинах вокруг. Тех, кто столкнулся с этим опытом, и тех, кто столкнулся с другим, таким же травмирующим, и также замалчиваемом, непопулярном и не особо обсуждаемом. Эта книга существует, потому что я хочу обсудить, я не хочу замалчивать и делать вид, что это истории, которые нас не касаются.

Мне хочется сделать видимыми женщин, которые каждое утро выводят своих отличающихся, других, детей в общество, готовые столкнуться с очередной дозой «тех самых» взглядов, слов, унижений. Я хочу, чтобы читатель смог почувствовать, каково это, быть окруженным «нормальными», когда ты сам «другой».

Я боюсь ошибиться, боюсь, что не найду тех слов и не пробьюсь к сердцу того, кто держит эту книгу в руках, но не пытаюсь я больше не имею права. Важно, чтобы женщины за шестьдесят тоже получили наконец адвоката в современной полемике родительской холодности, важно, чтобы женщины, проживающие утрату, и вынужденные тут же в эту минуту идти дальше, почувствовали, что они вправе остановиться и дать себе время на слезы, важно, чтобы материнство во всех миллионах его проявлений было услышано.

Какой свет мы находим в беседах с подругой за чаем или вином, на затемненной кухне, поджав ноги и облокотившись на стену? Как этот свет, едва живой и такой маленький способен помогать нам преодолевать немыслимые и совершенно неподъемные для простого человека

испытания? Этот свет я хочу подарить своим героиням. Хочу разобраться, какая форма счастья, в конце концов, допустима для них после боли, выпавшей им на долю? А для меня?

1

Маша никогда не теряла сознание. Не было ни разу, чтобы она ощутила, как ноги теряют опору, а свет медленно исчезает, превращаясь в маленькую точку. Но сейчас она испытывала что-то очень похожее, во всяком случае, на то, как это активно фиксировали в массовой кинематографической культуре. Она словно оставила свое тело и смотрела на него со стороны — с высоты, если быть точнее, — абсолютно невесомая, неосязаемая, но при этом точно знала, что может нащупать твердый пластиковый стул, маленькими круглыми вмятинами впивающийся в ее резко похудевшие ягодицы, могла ощутить жесткий ворс свитера, нервно зажатого в руке. Маша находилась в этом кабинете словно в двух вариантах себя одновременно: которая, сидя на стуле, слушает детского психиатра, и та, что смотрит на всю сцену со стороны, видит и себя, и доктора, и старый замызганный кабинет, с разбросанными по нему старыми игрушками.

В реальности своего восприятия Маша сомневаться не привыкла, так что пришлось признать: ее, Маши, было две. Это точно. Но, когда же произошло раздвоение? Она знала, что всю свою жизнь до этой минуты ощущала себя единым целым и уж точно не умела со стороны, откуда-то из верхнего правового угла комнаты, смотреть на себя же. Подобное ей даже не снилось. Доктор в кресле напротив продолжала открывать рот. Звуки разобрать было совершенно невозможно, и вдруг та Маша, что висела под потолком, услышала голос, очень похожий на свой, исходивший явно от Маши в свитере:

— А мы сможем как-то исправить ситуацию к ее семи годам? К первому классу? — вот и еще одно доказательство, что это не галлюцинация: голос был совершенно не такой, какой Маша слышала внутри себя при разговоре. Искаженный, тихий, словно кто-то записал ее речь и включил на очень старом проигрывателе.

Судя по жестике и шевелению губ, доктор что-то отвечала. Маша напрягла силы, словно пытаясь поймать волну на радио, через помехи и пространство, разделявшее ее «Я» и доктора, и, наконец, смогла разобрать слова:

— Мария Александровна, вы меня не поняли. Школы не будет. С таким диагнозом дети не могут усваивать информацию, выполнять даже простые инструкции, они не обучаемы. Безусловно, дальнейшая реабилитация, занятия с логопедом-дефектологом и в группах социально-адаптивной поведенческой психотерапии помогут ей добиться определенных результатов, но она, скорее всего, никогда не сможет жить самостоятельно. Вам нужно услышать меня сейчас и не питать иллюзий относительно будущего, которого не случится, а сфокусироваться на том, что мы можем сделать сейчас.

Маша задумалась: интересно, почему доктор так жестока по отношению к женщине напротив? Вряд ли есть люди, заслуживающие той ломающей кости боли, которую она — хоть и отголосками — слышала в собственном теле, оторванном от ее сознания пространством. Размышления прервал все тот же странный, словно искаженный записью голос:

— Может быть, к восьми годам? Пойдет в школу чуть позже, ничего страшного, я думаю.

Доктор больше не шевелила губами. Она аккуратно положила скрещенные руки на стол и внимательно смотрела на молодую женщину, вытянувшуюся на этом ужасно неудобном пластиковом стуле. Маша сидела по-детски ровно, усердно, как будто ей вместо позвоночника воткнули палку, и продолжала перебирать в руках жесткий, некрасивый серый свитер.

Резкая боль в руке дёрнула Машу и словно силой толкнула обратно в это худое и такое тяжелое тело. Она посмотрела на доктора. Та, в свою очередь, внимательно смотрела на нее. Маша перевела взгляд на свои руки. На левой, в районе запястья, блестели две капельки крови. Она не заметила, как и когда успела впиться ногтями себе в кожу.

— Мария Александровна, я дам вам контакты специалистов. Необходимо сделать энцефалограмму и пройти контрольное обследование у невролога. Он выпишет препараты, прием которых сможет улучшить ее состояние. Вы работаете?

Маша кивнула.

— Думаю, вам стоит рассмотреть увольнение. Пенсия по инвалидности, конечно, не покрывает всех ваших расходов, но Еве нужны ежедневные занятия. Иначе ни о каком прогрессе не может быть и речи. Но есть и другой вариант.

И.Н.В.А.Л.И.Д.Н.О.С.Т.Ь.

Это слово стучало и стучало в ее ушах. Инвалидность. Инвалидность. Инвалидность.

— Дети с таким диагнозом нуждаются в дополнительном уходе. Насколько я знаю, в нашем городе не так много достойных детских учреждений, способных принять ее. — Маша вдруг начала догадываться, о чем сейчас заговорит доктор, и, не в силах это услышать, попыталась встать. Жаль, что тело погрязло в глубоком вязком болоте времени, и каждое движение давалось какими-то нечеловеческими усилиями, словно во сне пытаешься бежать, а ноги, будто набитые ватой, не двигаются с места.

— Вы женщина молодая, а уход за таким ребенком требуется особый. — Нужно встать. Больше всего на свете сейчас нужно встать. Подняться, подойти к двери, взять сумку с вешалки, пуховик, одеться можно и на улице, главное — поскорее отсюда уйти.

— Есть специализированный детский дом-интернат для таких детей в ста километрах отсюда, там работают отличные специалисты, можете мне поверить. Наш центр много лет дружит с администрацией этого заведения. Могу заверить — вас никто не осудит, вы сможете навещать ее так часто, как захотите, а в вашем возрасте можно еще хоть десять здоровых родить, не обязательно всю жизнь класть на алтарь по уходу за ребенком, который никогда не сможет даже понять вашей жертвы.

Маша потеряла свет, как будто на секунду пропала из собственного сознания, но в обморок не упала. Во всяком случае, нашла себя стоящей на крыльце центра детской психиатрии. День был невероятно солнечный, морозный — один из тех редких зимних дней, когда снег, только выпавший, еще не успел посереть под колесами проезжающих машин, а только ослепительно ярко перемигивался с солнцем. Маша дышала глубоко, будто пыталась заморозить собственные легкие, будто это могло остудить хоть немного вырывающееся из груди сердце. Ей было жарко. Через минуту выбежала запыхавшаяся мама — в наспех накинутом пуховике, но успевшая нацепить на Еву и комбинезон, и шапку с варежками. Ева рвалась в сторону, кричала, плакала, мычала что-то. В глазах матери застрял немой ужас.

— Ну, что сказали? — Мама никогда так не говорила, никогда раньше не смотрела на нее с такой надеждой, будто до того момента, пока Маша не откроет рот и не повторит слова доктора, она, Маша, еще может все изменить.

— Сказали, что нужно заниматься, и все будет хорошо. — Она взяла из вялой руки мамы свою шапку, намотала шарф в два слоя, быстро надела пуховик, так и висевший до этого в ее руке. После чего взяла на руки бьющуюся в истерике Еву и пошла в сторону парковки. — Мам, ты куртку застегни, простудишься. Видишь, какой мороз сегодня.

2

Свет вырубили. Можно было бы сказать, что это невыносимо, все-таки шестой раз за месяц, и пойти поругаться от души с огромной дамой из управляющей компании, но вместо этого Маша вздохнула: да и слава богу.

Дом старый, уставший — то с электроэнергией перебои, то с водой. Темнота комнаты толкнула взгляд к единственному источнику света — фонарю за окном. Снег шел, хотя ему бы, если честно, таять впору. Март во всем, жаль, природу забыли предупредить, что ей пора переодеваться из зимней холодной депрессии в депрессию весеннюю и улыбающуюся, с легким флером цветущего отчаяния. В соседнем доме свет тоже отключили, все окна черные и пустые, и там, наверное, тоже кто-то на фонарь смотрит. Хотя вряд ли. В такое время те, кто завтра идет на работу или в школу, уже спят, а те, кому никуда не надо, спят тем более. Старческие бессонницы еще не покидали их с кроватей, и они пока не побежали по своим важным, не всегда реальным делам. Не Маше судить. Если повезет, то также будет просыпаться с первыми лучами и бежать куда-то. Дожить бы.

Пятиэтажки цвета грязного старого асфальта на фоне темноты собственных окон казались светлее обычного и как-то даже наряднее, что ли. Будто бы не они последние сорок лет встречали начало марта с темнотой внутри, обозначенные в пространстве лишь боковыми, лишними отбросами света этого уличного фонаря. Пятиэтажки, они же хрущевки, одинаковые в любом городе постсоветского пространства. Бесцветно серые, они, как-то со временем умудрялись выцвести еще больше. Если и есть квинтэссенция отсутствия жизни в цвете — это хрущевки.

Интересный момент: очень сложно понять, что у тебя болят глаза, пока не дашь им отдых. Второй час ночи — можно и ноут закрыть, и бумаги собрать. Нет в них ничего из того, что в этой жизни стоило бы видеть Еве, а она точно проснется раньше Маши, прибежит к ней в кровать, обнимет, будет что-то лопотать бессвязное, но крайне эмоциональное, и попрощаться со сном придется неизбежно. Как, в общем-то, и ощущать состояние пришибленности в течение всего следующего дня. Для того чтобы Ева прибежала в кровать не с заранее эффектно разрисованными, оригиналами документов клиентов, заботливо предоставленными юристу Марии Александровне в единственном экземпляре, — надо все закинуть в сейф, хоть и не хочется этим заниматься сейчас.

К черту.

Маша кое-как прибрала со стола, скидала все в ящики: ручки, булавки, папки с документами, разбросанные по столу листы бумаги. Безудержно интересные исковые заявления о взыскании денежных средств с К. Н. Сергеева К. Н в пользу Управляющей компании «Престиж» в размере 18 985 рублей 45 копеек, и прочие радости типовой работы юриста среднего звена.

Вообще, убирать все по своим местам, заранее закрывать, блокировать те зоны в доме, где можно при настойчивом стремлении причинить себе вред — это то, к чему привыкаешь очень быстро, даже не имея подобного опыта в течение большей части жизни. Так бывает, когда у тебя ребенок, который не способен ни контролировать свое поведение, ни оценить потенциальный вред от собственных действий.

Хотя... может, и когда у тебя просто ребенок. Маша точно не знала, в чем разница — какие из поведенческих особенностей Евы относилось к болезни, а какие к простому детскому стремлению создать себе проблем на ровном месте. Все это не специально, конечно, кто же подобное делает осознанно в столь неосознанном возрасте?

Здесь скорее какая-то максимальная бытовая непригодность, что ли. А может быть, так вообще выглядит материнство, и вполне себе нормальное, классическое?

Маша много об этом размышляла, но ввиду отсутствия у нее других детей, «чистоты эксперимента» в этом вопросе было не добиться никак. Ну и ладно. Это все уже давно не больно, если честно.

Вообще, тяжело только первые два- три года, а потом — просто данность, к которой сначала привыкаешь, а вскоре уже и жить с ней учишься. Маша жить с этим так до конца и не научилась, но точно научилась с этим справляться. А ведь и до этой стадии доходят не все.

Когда у тебя нет большого опыта материнства в окружении, а первый ребенок рождается в достаточно юном возрасте, нет четкого понимания, что нормально, а что нет. Ну не может удерживать зрительный контакт дольше секунды, ну говорить не может нормально, да и вообще, со странными звуками часто. Но где эта грань между «израстется» и колокольным звоном «это навсегда», Маша не знала. Оттого в первые несколько лет после постановки диагноза изводила себя чувством вины: а можно ли было заметить раньше, а что было бы, если бы обратились к неврологу заранее, и прочие вопросы — имеющие итоговой своей целью разве что утопиться в депрессии, а в остальном лишённые информативности или полезности.

Прошли годы, прежде чем Маша, наконец, поняла — доктор ошибалась во многом. Ева освоит большое количество навыков, она не необучаемая. Она, возможно, все же пойдет в спецшколу. Но нормальной — в общем понимании — она, конечно, не будет никогда. Здесь врач была полностью права, что уж.

Ну да. И это было.

Что-то хрустнуло — то ли стул, то ли коленка. Потому что не стоит, Маша, уходить в свои мысли слишком глубоко, если до этого долго сидела за рабочим столом, закинув ноги рогаиком на стул — в позе океанической кровати. А кровати водятся в океане? Вроде не болит. Только спина своими мышцами напоминает о своем существовании, но это ничего. Это уже классика возраста.

Маша вытянула руки вверх и скрепила их в замок над головой. Медленно, растягивая движения, прошла из одного угла комнаты в другой, ловя свою тень в узком луче света на полу. Шея благодарно заныла. Удивительно, как десять лет жизни могут кардинально поменять твоё отношение к таким вещам, как, например, растяжка или своевременный, здоровый сон.

Вообще, пока Ева была совсем маленькой, все было хорошо и приятно, насколько это возможно при наличии младенца в доме. Были и молодость, и сила, а главное — желание жить и путешествовать. Маленький ребенок не мешал, даже наоборот. Таскали везде ее с собой. А как она засыпала в коляске у моря! Как ползала за всеми турецкими котами, а как впервые попробовала свежий, шикарный турецкий виноград, сорванный украдкой прямо с куста. Красота. И счастье.

Тогда Маша очень много мечтала: о том, что будет дальше; о том, как они уедут куда-нибудь в Португалию и всегда будет море за окном; о том, как Ева спокойно будет говорить на трех языках, а потом Маша будет толкать волнительную речь в какой-нибудь португальской школе на выпускной дочери-красавицы. Ева была миниатюрной копией Руслана, так что сомнений в том, что девчонка будет красивой похитительницей сердец, не возникало никогда.

Руслан любил и поддерживал, все хотел маленький двухэтажный домик — чтобы на первом этаже была пекарня, а на втором — комнаты дома. Чтобы окна — старые, большие, ставни раскрываешь, а морской ветер занавески полупрозрачные внутрь дома выбрасывает волнами. Чтобы рядом виноградник какой-нибудь, и они такие любители — производители вина домашнего, но все вокруг знали бы, что Vaganov winery — это просто лучшее место в округе.

В этой мечте Маше не нравилась, пожалуй, только пекарня. Готовить она терпеть не могла, а уж тем более — печь. Там вечно полмиллиграмма муки не доложил — и все: выбрасывать можно смело, потому что химии пекарской любви между продуктами в миске не случилось. А значит, великолепные круассаны там не родятся. В лучшем случае — несъедобный кирпич.

Маша думала, что будет рисовать картины (о море, конечно), и выставяться хотя бы в мелких частных галереях. А потом и в крупных. Но знаменитой она станет, конечно, только в преклонном возрасте. Боже, я вас умоляю — ну кто действительно великий становится известным при жизни? Для славы порядочные художники должны хотя бы умереть. Но в своих мечтах она все же видела кусочек своей славы: такая седая уже, со стильной стрижкой, в очках и с загадочной полуулыбкой смотрела на юного интервьюера и выдыхала:

«Ох, молодой человек, жизнь... Жизнь так коротка. Если ты можешь не тратить ее на искусство, умоляю, не трать. Я... я не смогла».

Снежинки рыхло падали на тротуар, медленно и лениво. Завтра все растает неизбежно и превратится либо в грязь, либо в гололед. Лично Маша выбрала бы гололед, но весь микрорайон населен стариками, а для них это все же не лучший вариант. Пусть лучше грязь.

Маша готовилась морально к наступлению самого нелюбимого периода в году — когда деревья еще не распустились, стояли убогие, мертвые, словно сбежавшие из тяжелого хоррора. Прекрасный разбитый серый асфальт плавно перетекал в такие же серые дома, которые, в свою очередь, служили как бы незначительным переходником между упомянутым выше асфальтом и таким же серым небом. Да, в этот период как будто даже коричневая грязь, смешиваясь с талым снегом, становилась серой, бесцветной, нежилой. В этом смысле сейчас, ночью, в отсутствии освещения и с одним только этим несчастным уличным фонарем, этот мир казался сильно лучше мира завтрашнего утра.

Маша завела руки за спину, свела лопатки и затянула пальцы в плотный замок. Застывшие от скрученных поз мышцы застонали. Как много в жизни вещей переоценённых, но недооценённых еще больше. Ощущение плавного ослабления мышечного зажима с мягкими мурашками по телу точно относится ко второй категории.

Народы веками носят: то с сексом, то с деньгами, не подозревая, что истовое животное счастье им принесет просто отличный массаж. Маша встряхнула руки, сильно, с нажимом, потянулась вниз к ступням.

Нормально же было. А что было? Не как у всех, казалось. Работали, деньги копили, ссорились иногда, но главное — любили и мечтали много.

В последние годы в окружении Маши, друзья и знакомые часто стали вспоминать Люю-иса Кэррола и его Алису — очень уж метафорично этот автор ложился на современную действительность и на тревожные, происходящие вокруг события. Маше же Алиса на ум пришла тогда — шесть лет назад. Сидела она тогда в кабинете, маленькая Ева носилась, сбивая все на своем пути, врач говорила что-то, а ей все как в глухую стену. Больно било в виски (значит пульс точно был), звуки воспринимались приглушенно, с задержкой — как из-за стеклянной плотной перегородки, как это бывает при шоке.

Тогда врачи уже научились говорить не «особенный ребенок», а «нейроотличный» — только сути это не меняло. И именно тогда Маша впервые подумала: «Вот она какая, эта ваша кроличья нора». Чувствовала, как падает куда-то в темноту. Все падает и падает, а дна все нет. А рядом пролетает и домик в Португалии, и выпускной из школы, и все ее еще не написанные картины. Маша хватается это все, в слепом порыве к себе прижимает — а толку? Все это летит в ту же бездну, что и она. Этому не быть. Никогда.

Не стоит прошлое ворошить. Прошло же уже. Пережила и справилась. Маша попрыгала на месте, словно сбрасывая напряжение, усталость и беспокойные мысли из головы одновременно.

Руслан не справился. Ну да и черт с ним. Выслушал тогда, как будто даже внимательно, ее рыдающую. Даже успокоил. А понять ее переживаний или не смог, или не захотел. Все объяснить ей пытался: без разницы, какой ребенок, все будет окей, вырастет, и все будет нормально. Один раз в пылу ссоры даже умудрился сказать, что Маше нужно было просто больше с дочерью заниматься, и все было бы отлично. Ну а когда Ева начала подрастать, а диагноз стал

напоминать о себе все чаще, все болезненнее, все некрасивее, он просто встал и вышел. Забрал пару чемоданов одежды, рабочий компьютер и тостер, который им на свадьбу подарили.

А Маше тогда будто даже в этот момент легче стало. Тянуть, помимо ребенка, еще и мужика — вечно ноющего, перманентно неготового к жизни — не было ни сил, ни желания. К нему не осталось ни боли, ни обид, насколько она сама могла судить, хоть и никогда не позволяла себе думать об этой ситуации глубже верхнего ее слоя. Весь фокус был на ребенке. А Руслан — с его «люблю, не люблю, понимаю, но не хочу так» — и всем этим инфантильным потоком душевых терзаний, просто раздражал. Ну да. И то в прошлом уже.

Маша понимала, что не виновата. Безусловно, здесь рулетка, случай, просто жизнь, в конце концов. Но почему тогда внутри зреет и распускает свои шипы скользкий стыд? Не она ведь выбрала путь болезни ребенка. Не она ушла к другому в сложный момент жизни. Но ощущение, что именно она не смогла сохранить семью: как мать, как женщина реализоваться, справиться, создать эту картинку, где они, как в рекламе майонеза, счастливые, здоровые, влюбленные — это все не смогла именно она.

И все-то Маша знает и понимает уже очень давно. Знает, что стыдиться ей нечего. Но стоит только подойти к порогу, за которым она в это верит по-настоящему и всплывает темное, мерзкое осознание собственной вины. И не за то, что с мужем не сложилось, и не за то, что ребенок не такой, как другие дети. Но за себя. Маше, нестерпимо больно и обидно за свою жизнь, выкинутую на помойку, за эту жертвенную необходимость жить болезнью ребенка и вокруг нее.

Не за распавшийся брак Маше было больно, а за себя — вручившую свое время, молодость и здоровье не тому человеку. Все это было так нечестно. Так нечестно и не справедливо! От этих мыслей на глаза наворачивались слезы, снова и снова. Она испытывала жгучую ненависть к судьбе за то, что та обошлась с ней так — и тут же накидывалась на себя же с обвинениями и укорами. Ну как так? Бедная твоя девочка, ей так тяжело будет в жизни, а ты все про себя, да о себе.

А внутри так и стучит, не умолкая, словно мантра: это произошло с тобой не просто так. С другими ведь этого не случается, оглянись. Ты просто неудачница.

Сколько дней, месяцев или лет она провела в круговороте ненависти, обид, стыда и вины — она не смогла бы сказать. Иногда казалось, что все это было слишком давно. А потом случался очередной откат в развитии: навыки падали, речь, наконец-то появившаяся, снова скапывалась до звуков, и возвращалось ощущение, что в этом аду она находится уже не одну вечность. И из ада этого она не выбиралась ни на миг.

Желание общаться с друзьями и знакомыми исчезало постепенно. Стремление собирать гостей, как это было раньше, стало уменьшаться тем сильнее, чем ярче стали проявляться особенности болезни Евы. Но полная замкнутость в себе и своем мире пришла с разводом. Просто невозможно было, поверх всего происходящего, еще и жалостливые взгляды выдерживать. Эти брови, сдвинутые к центру домиком, за которыми красной строкой бежала одна и та же мысль: как хорошо, что это случилось с тобой, а не со мной.

Она поежилась, попробовала стряхнуть с себя депрессивные, тяжелые мысли. Так и бывает: не уйдешь спать вовремя — и накрывает. Стоит этой темноте почувствовать твою усталость, как она врывается в душу, отравляя собой кусочек за кусочком.

Маша обнаружила себя у зеркала в коридоре. А задерживаться у зеркала ночью, после бессонных ночей, дешевого кофе и не то бублика, не то сушки на обед — плохая примета, во всех смыслах. Призраков не увидишь, но однозначно увидишь, что тебе уже не двадцать. Ну ни под каким углом.

В зеркале — молодая женщина в непонятном промежутке от тридцати пяти до сорока пяти. Не толстая, не худая. С ровными зубами, спасибо генетике. Спина сутулая, конечно, но

это не генетика, а работа и лень. Работа и сотни бессонных ночей в медицинских палатах. Здесь Ева уронила на себя кружку с горячим кофе, а здесь порезала себе руку листом металла на даче.

Сложно с ребенком, который не видит взаимосвязи между действием и результатом. И не может, даже если и хочет, управлять своим телом в пространстве. С другой стороны, с этим плохо и у многих абсолютно нейротипичных взрослых. Какие тогда могут быть вопросы к ребенку, с некоторыми отличиями в работе клапанов клеток головного мозга? Смотрим дальше.

Длинные руки, пальцы — самые обычные, маленькая грудь. Ничего ни особо привлекательного, ни отталкивающего. А глаза интересные. Здесь повезло. Редко встретишь людей с насыщенным серым цветом глаз, не бледно-голубым, а именно серым, стальным.

Волосы крашенные, каштановые, ниже плеч, собираются в красивый плотный хвост. Может, в блонд покраситься? Или обстричь их полностью, чтобы прям каре до середины щеки? Классно подчеркнет и глаза, и скулы, имеющиеся в наличии.

Хотя о том, чтобы подстричь волосы, Маша абсолютно систематически думала лет так с двадцати. Сначала сама не решалась, а потом Руслан так ее волосами восхищался. А потом стало категорически не до этого. В общем, как так получилось, что давно уже не двадцать, а волосы все те же: и по длине, и по цвету?

Вообще, Маша часто задумывалась о том, что в двадцать тебе кажется: старение — это отсутствие должного ухода за собой, лень и глупость. Ну, как говорится, осуждаешь кого-то за то, что ты никогда бы не сделала — ставь таймер, дорогая, Вселенная, Бог или случай, во что ты там веришь, все тебе скоро разъяснят.

Ну и Маша поняла, естественно. Поняла, что старение — это не только биологические процессы. Это в первую очередь перенесенные боль, усталость, потери. Как спину скручивает от горя — бессистемного и терзающего. Как тяжело бывает научиться улыбаться после нескольких месяцев слез. Ты-то, может, научишься, но уголки губ уже уверенно смотрят вниз. Ничего ты здесь не попишешь.

Вспомнила свою заносчивость бестолковую и рассмеялась. Надо же быть такой дурой, господи. Хотя, когда еще быть дурой, если не в двадцать?

Ну ничего, мать. Когда улыбаешься, то очень даже ничего.

Она нечасто размышляла о себе, своем возрасте и теле. Просто в этот раз и ночь, и внезапное отключение черного света, ну и разглядеть себя в зеркало под подмигивания новогодней гирлянды, которую все руки не доходят снять и убрать в кладовку вслед за пластиковой сборной елкой — отличный повод взглянуть на все под другим углом. Ну, взглянула и хватит.

Завтра долгий день.

3

Сообщение о его смерти пришло неожиданно — если такие вещи вообще можно ожидать. Некогда общая подруга позвонила, напряженным голосом спросила, как дела, не выслушала ответа и попросила присесть. Довольно глупая по своей сути просьба, вынесенная скорее не из логики мирового порядка, а из киношной необходимости понагнать драмы в кадр. Сердце застучало так, что Маша уже подумала: сейчас оно через глотку наружу вырвется.

— Лиза, но он был в порядке. Молодой мужчина, тридцать семь лет, откуда могла взяться... смерть?

В ситуациях, вроде этой, люди либо молчат, либо говорят довольно глупые вещи. Мозг бьется о черепную коробку, не в состоянии сложить один плюс один. Все сложные механизмы этого биологического суперкомпьютера словно отключаются, оставляя место белому шуму и пустоте.

Удивительно даже не это, пожалуй, а то, что смерть людей неновых случается так же часто, как и рождение людей новых, — однако за столько тысячелетий эволюции мы так и не научились быть к этому хоть немного подготовленными.

— Я не знаю, что тебе сказать. Для нас всех это стало неожиданностью. Судя по всему, он болел последние несколько месяцев. Мы списывались, но он ничего не говорил о своем здоровье. А ты же не спрашиваешь друзей, с которыми общаешься раз в два месяца, не умирают ли они от внезапно открывшейся болезни. Я еще не говорила нормально с Аней — сама понимаешь, ей вообще максимально не до меня сейчас. Двумя словами перекинулись и все пока что.

Да, Аня. Аня — новая жена Руслана. Ну как новая, четыре года, как они уже вместе. Живут в Испании (иронично, не правда ли), или, правильнее сказать, жили. Он пытался их как-то познакомить даже, но Маша так и не смогла понять, зачем бы ей подобное могло быть вообще нужно. Для Евы отца уже не было слишком долго. Объяснять ребенку с неустойчивой психикой, что папа ушел, потому что ребенок не такой, как ожидалось, мама ребенка не такая, как ожидалась и вообще в происходящем ожидалось, что будет сказка, а получилась просто Маша, было слишком рано. Да и вряд ли когда-нибудь уместно. Объяснять, что какой-то малознакомый мужчина, будет приезжать раз в год, дарить подарками, расшатывать нервы обещаниями, а потом опять уезжать — оставляя Машу снова самостоятельно расхлебывать последствия — хотелось еще меньше.

— Не понимаю. Он был сволочью, конечно, но сволочью здоровой. Может, его новая жена отравила просто? За что я ее, конечно, не осуждаю и в чем полностью поддерживаю. — Маша прыснула. Смех был громкий, наполненный, искренний.

Злости было так много — даже в этот момент. А может быть, именно в этот момент. Маша удивилась себе: поводов считать бывшего мужа плохим человеком было предостаточно, но с ней-то, что сейчас происходило? В районе груди сжало, появилось ощущение, что ее снова бросили, заочно. «Вы расстались много лет назад, и было ли тебе вообще до него хоть какое-то дело все эти годы? Нет, Маша, тебе забот и дел хватало по горло — хоть в вагоны грузи и отправляй -хватит на целые города людей. Тогда чего же ты злишься? Что, у людей тромбы не отрывались никогда? Сердце ни у кого не останавливалось, что ли? Вон отец Руслана как раз от инсульта же повторного ушел в совершенно неадекватном для молодого мужчины возрасте. А если прикоснуться к теме рака — там вообще не по себе становится. Эта мерзость сметает всех: от младенцев до стариков, всех подчистую — быстро, резко и мучительно».

— Он там какое-то завещание написал, что-то тебе оставил, я так поняла. Аня просила меня связаться с тобой и сказать, что тебя ждет их адвокат. Ей самой, видимо, неловко тебе звонить, хотя ситуация не та, чтобы испытывать смущение, как по мне. Но, люди разные...

Интересно получается все-таки. Кем угодно можешь быть при жизни: творить все, что хочешь, и разбрасывать вокруг себя боль и страдания, обманывать, лгать, подставлять тех, кто рассчитывает на тебя, — и вообще, рассчитывать во всем мире может только на тебя. А потом все равно по тебе плакать будут. Здесь, как говорится, главное — вовремя умереть, и все.

«Ой, Маша-Маша, ты очерствела окончательно, получается. Шипы выставила во все стороны, кольчугу, надела, щитки сверху — чтоб точно никогда и никому не пробить было — и вперед, да Маш? Тебе говорят, что умер человек, которого ты давно когда-то любила, а ты не то что не плачешь о нем — ты злишься, что не сама этого говнюка придушила. Добрались, Маш, дожили. Ничего не скажешь»

— Мари? Ты как? — Лиза в третий раз попыталась получить от Маши хоть какой-то ответ. Хотелось быть уверенной, в конце концов, что она там не сошла с ума на другом конце провода.

— Какой еще адвокат?

4

Прошло больше месяца с тех пор, как вечерним телефонным звонком Маша оказалась втянута в непонятную историю с наследством и внезапной смертью бывшего мужа. Который, к слову, за жизнь и три копейки в стопку сложить не мог, не то чтобы накопить то, что можно было бы назвать гордым словом «Наследство».

Еще и оставил что-то из этого ей — Маше, которая сама его вещи выставляла за порог, блокировала везде, где только можно и называла словами нелитературными, смачными и крайне неприятными.

И не просто оставил наследство какое-то, а оставил его где-то в Испании, куда Маше теперь, конечно, придется ехать.

Столько лет она никуда не выезжала — считала себя не то чтобы обязанной быть здесь и сидеть, как собака, на поводке у обстоятельств, скорее не понимала, как вообще теперь можно организовать какую-то поездку. У Евы плотный график реабилитационных занятий, у нее — работа, которая тянет в том числе и расходы на эти занятия, а главное — где найти просто само желание куда-то поехать. Все это странно.

Вопросы подготовки документов, визы и попытки выпроситься с работы хотя бы на пару недель для решения семейных вопросов, отняли много сил. Но все это не шло ни в какое сравнение с тем, что ей предстояло пройти в рамках собственного дома — в попытках объяснить маме, почему важно, чтобы Ева осталась с ней на этот период.

Если на работе еще можно было помахать отсутствием нормального отпуска на протяжении двух лет, инвалидностью ребенка и — вообще-то — простыми человеческими чувствами совести и долга, то решение этих же задач внутри семьи утопает в ссорах и обидах, больше похожих на болотистую жижу — вязкую и гадкую, которая неизбежно затягивает и медленно высасывает из тебя всю радость существования. Чем больше Маша барахталась, взбивая лапками все вокруг, чтобы выбраться, тем быстрее и жизненная сила, и само желание жить из нее уходили. И так было уже слишком давно, чтобы поверить, что сейчас может что-то измениться.

Откровенно говоря, отношения с мамой у Маши были натянуто отстраненные: желание общаться хоть на одно слово больше необходимого отсутствовало, но и справиться без нее в сложившейся ситуации было почти невозможно. Еве нельзя было прерывать реабилитацию больше, чем на неделю — от этого напрямую зависели и ее результаты, и шансы на нормальную жизнь в дальнейшем. Маша это понимала, и готова была пойти на разговор с матерью, лишь бы точно знать, что от ее действий сейчас не пострадает Ева в будущем.

В свое время Елена громче всем кричала о том, как же она будет сидеть с ребенком, и как же важно, чтобы ей скорее подарили внука. Но после рождения, как это часто бывает, она изобретательнее всех находила причины, по которым остаться с Евой больше чем на два часа, просто не представляется возможным. Доводы всегда были логичными: она всегда выжидала немного времени от просьбы до ответа, чтобы построить стройную теорию о том, почему именно в этот раз — это, конечно, ты и сама видишь, — невозможно. На этом разговор и заканчивался.

Машу это все страшно обижало и бесило. Она никак не могла понять, что сложного в том, чтобы посидеть со своей единственной внучкой хотя бы один выходной день, особенно если ты каждой встречной подруге, знакомой, продавщице в ларьке по полчаса расплетаешь о том, как ты внуку любишь, и как же ты рада, быть счастливой бабушкой.

Нет времени? Ну так собери его из подобных часовых бесед с малознакомыми людьми — и оно появится. Или второй вариант: прямо скажи, что сидеть с ней не будешь, не хочешь, и вообще сейчас такая стадия жизни, когда ты заслуживаешь того, чтобы посвятить все время себе самой — ты так много работала и все свои обязанности по воспитанию детей тоже уже

выполнила. Это было бы честно. Немного удивительно, да, но совершенно понятно, Маша бы поняла, приняла и жила дальше с чётким осознанием, что бабушка будет видаться с ребенком редко — и только когда сама этого захочет. Как будто бабушка где-нибудь в Антарктиду на ледоколе плывет или в индийском ашраме — почему бы нет? Но и этого не происходило. Она всегда обещала, что будет помогать, а когда дело доходило до реальных ситуаций — действовала по вышеуказанному протоколу.

Но все это было до диагноза. Позже стало еще хуже. «Ты и так с мужем развелась, еще и дочь хочешь оставить на меня? Зачем тебе к психиатру? Может, уже хватит себя жалеть и подумаешь о ребенке хоть немного?» — и так далее и так далее и так далее.

Неоднократно Елена обвиняла Машу в происходящем с Евой. Говорила, что если бы та не бегала на работу с самолета, да обратно, а спокойно сидела дома с ребенком, и время ей уделяла, то все было бы иначе. Здесь Машу обычно срывало на крик и проклятия в адрес матери — она обвиняла ее во всех обидах — и детских, и взрослых, и неизменно напоминала ей о ценности советов по семейному счастью от женщины, которая сама не смогла найти нормального мужчину, а родила не пойми от кого вообще.

Ситуация накалялась, они не общались неделями. Потом, постепенно, все приходило в норму. Ну, если подобные взаимоотношения вообще можно назвать нормой. В общем, поддержки ждать не приходилось. А поддержка, как назло, именно сейчас была очень нужна.

Сложно сказать, какой была Елена в молодости. Кажется, Маша впервые задумалась, что ее мама тоже была юной — только тогда, когда стала подрастать Ева. В такие моменты ты обычно и начинаешь постепенно понимать своих родителей. Осознаешь с немалым удивлением, что они хоть и старше, но вряд ли все знают и точно понимают, как надо жить эту жизнь. А уж когда ты был мал и тебе казались их знания и опыт совершенно недостижимыми — именно тогда они и были максимально растеряны, местами бестолковы, и именно тогда совершали отведенное на жизнь количество глупостей. Но и в счастье они тогда верили совсем иначе и стремились к нему еще с полностью открытым сердцем.

Маша — ребенок поздний: Елене было тридцать девять, когда она родилась. Но, несмотря на распространенную практику в подобных ситуациях, залюбленной — в общепринятом понимании слова — дочкой, Маша не стала.

У Елены крайне сложно складывались отношения с мужчинами: они ее любили, но все как один — недолго. Можно было бы списать это на судьбу, особое для страны время или профессиональную семейную непригодность мужского пола в целом — если бы не сложный, волевой характер этой женщины, которая категорически не готова была жить с мужчиной, слабее ее.

Мужчины же, которые нравились ей, которые были ее сильнее, в свою очередь, категорически не хотели жить с ней. Вечный парадокс одиночества — и она выбирала быть одной, но не пыталась удерживаться в отношениях с компромиссными вариантами.

С отцом Маши Елена сошлась за три года до беременности. Отношения были на удивление крепкие. Что важно — там точно была любовь. Но роды, быт и возраст никого не делают привлекательнее, а орущий круглосуточно младенец и вечный запах продуктов детской жизнедеятельности, не способствуют сближению. А дальше по классике, настолько примитивно и пошло, что даже не верится, что так и бывает: сначала стал задерживаться на работе, осознал, что был не готов к детям и семья — это не для него. В общем, ушел к бухгалтерше, от которой буквально через год заимел еще ребенка, а потом и еще одного. Она, судя по всему, была помирненней, или просто больше верила в то, что мужчина для счастья ей категорически нужен.

Елена же, в свою очередь, четко понимала всегда: мужчина нужен только тот, с которым ей будет лучше, чем без него. Таких как-то на пути не попадалось, о чем она, по большому счету не жалела.

Елена всегда была строга и к себе, и к людям, ее окружавшим, а к дочери, тем более. Будучи женщиной от природы привлекательной и, может быть, даже красивой, она себя к этой категории никогда не относила и внешность свою подчеркнуто игнорировала. Не желающая — или попросту не умеющая — проявлять свою женственность, неспособная вовремя мило улыбнуться, сгладив тем самым углы любой ссоры, она всегда делала акцент на развитие ума, укрепление духа и дисциплины во всем.

Она жестко осуждала женщин, впадавших в зависимость от косметологических процедур, косметики и шмоток, считала их откровенно дурами и пустышками. Всегда говорила Маше: возраст меняется у всех, и у всех — в одну сторону. Ставить все на внешность глупо, ведь ты точно знаешь, что ставка не сыграет. Постареют все. И эти дурочки, которые обкалывают себя всем, чем можно — моложе-то не выглядят, зато выглядят глупее и дешевле. А от тонкого налета жалости юных девиц это все равно их не спасет. Дескать, что же вы, женщины, такие умные и с деньгами, а состарились все равно.

Сейчас Маша уже понимала, чем была вызвана такая категоричность мамы в вопросах внешнего вида — она как будто не принимала женское внутри себя, возможно, не чувствовала себя достаточно красивой для счастливых отношений. Оттого так яростно ненавидела женщин, которые это в себе принимали и развивали, несмотря ни на что.

А может, и не понимала Маша ничего.

— Никто не становится моложе с возрастом, — говорила Елена. — Зато умнее, мудрее, сильнее и стабильнее стать точно можно. Для этого важно поставить фокус на учебе, саморазвитии и бесконечном стремлении стать лучшей версией себя. Ну и на зарабатывании денег, разумеется. Невозможно переоценить чувство уверенности в завтрашнем дне, которое дают деньги. Это был ее принцип: она жила по нему и Машу дрессировала жить так же.

На самом деле — это была яркая, сложная, авторитарная женщина, с судьбой, которую никому не пожелаешь. Хотя именно на бесконечных переломах жизни, говорят, и расцветает личность. Как бы там ни было, ни один человек самостоятельно не выбрал бы путь такого расцвета, вместо простого человеческого счастья: ни для себя, ни для своих детей тем более. Но жизнь никогда не спрашивает мнения человека по этому поводу.

Что такое быть матерью-одиночкой в конце 80-х — начале 90-х в разваливающейся стране и с двухлеткой на руках? Это значит точно научиться выживать, плакать — только ночью, в одиночестве, на кухне. Не чураться никакой работы — в самом прямом понимании этой фразы.

Мать Елены умерла, когда той только исполнилось тридцать, с родней связи не было. Тогда еще большинство мужчин, уходя от женщины, считали себя вправе уйти и от ребенка — вроде как прошлое — зачем же его тянуть в свою новую жизнь? Там новая женщина и новый ребенок. Сейчас такая логика, конечно, маргинальна, но тогда Елена осталась одна. Две работы, которые периодически перетекали и в три, и в четыре одновременно. Друзья и хоть какие-то детские сады спасали.

Любила ли она дочь? Больше всех на свете. Могла ли она дать дочери заботу, нежность и любовь в том количестве, в котором нуждается ребенок, в тех жизненных условиях, в которых она была? Вряд ли.

Это сейчас мы все прекрасно понимаем, как важно ребенка поддерживать, как важно хвалить и поощрять, как важно слышать и слушать, — помогать ему выражать свои эмоции, учиться называть собственные чувства и не отрицать их. Тогда же, в своем детстве, Маша слышала от матери чаще: «Подружки твои тебя хвалить будут, а я лучше скажу, в чем ты сплеховала».

Сейчас мы называем это токсичностью, но разве это честно — рассматривать поведение человека в отрыве от контекста истории, среды, культурных традиций того периода времени, в котором человек формировался?

В конце концов, в подобном общении Елена видела единственную возможность вырастить из дочери сильного, самодостаточного человека — и хотя бы частично избавиться от сводящей с ума тревоги за будущее ее ребенка.

Миллионы раз за детство Маше доводилось слышать: «Мужик есть — хорошо. Но рассчитывать на них нельзя. Собираешься родить — сама на ногах стой уверенно, пожалуйста. Нет, не обязательно он изменять тебе будет или бить — зачем сразу думать о плохом? Он ведь может просто умереть».

Елена никогда не копалась в себе, не пыталась разобраться — в чем она была права, а что могла бы сделать иначе. Сложно увидеть в этой перспективе, но одно она точно знала всегда: все, что она делала и делает именно так лишь потому, что Маша была и остается ее самым близким, единственным важным человеком в жизни.

Взросление ребенка не дается легко. Пока он совсем маленький ты вечно переживаешь: а вовремя ли сядет, нормально ли ест, хорошо ли спит, заговорит ли так, как другие дети? Потом начинаешь удивляться тому, в каком опасном мире мы живем — ведь для ребенка от трех до шести лет мир буквально полон опасностей. Даже если этот мир ограничивается пределами одной комнаты. Окна в многоэтажных домах — это вообще отдельная тема.

Когда, наконец, ребенок обретает зачаточное представление о том, как прожить день не самоубившись — начинается школа. Казалось бы — выдыхай. Но здесь-то и начинается самый сложный период. Одноклассники не принимают, травят. Подруга появляется в классе, а спустя год решает общаться с другой девочкой, полностью игнорируя Машу. А потом приходит первая любовь — и постоянно сердце рвет так, что в груди зажимает, оттого и спина с возрастом ссутулилась. Тело будто помогает контейнировать боль, от которой ты не можешь оградить своего ребенка. А очень бы хотела. Господи, как хотела бы.

Видеть Машины боль, обиду и слезы для Елены было мучительно настолько, что приходилось себе губы до крови кусать, лишь бы не заплакать вместе с ребенком. Вставала, шла в школу и устраивала такой разнос всем, вплоть до директора. Такие эпитеты использовала в своей речи, описывая Машиных обидчиков, какие завуч до того только в туалетах школьных на стене видела. Угрожала полицией, обещала лично уничтожить жизнь Сереже — гаденышу из шестого Б и его родителям, если он не найдет способ извиниться перед Машей так, чтобы та посчитала нужным его простить. Дочери о таких походах она, конечно, никогда не сообщала. А Маше, приходя домой, объясняла: нечего ныть, никто по голове гладить не будет и проблемы решать в ее взрослой жизни не будет тоже. Что если обидели — значит, ищи причину в своем поведении и исключай ее. Или исключай из жизни людей, неспособных хорошо к тебе относиться.

Маше в такие моменты казалось, что мама вообще не способна воспринимать ее. Что ей безразличны Машины страдания. Что мама — не более чем жестокий диктатор, пытающийся всеми силами, выбить из нее чувственность и человечность. А Елена всего лишь понимала: жизнь — штука очень сложная, рассчитывать в ней абсолютно не на кого. Однажды Маша останется с этой жизнью наедине, без мамы рядом, и здесь она просто обязана быть сильной настолько, чтобы справиться. Она обязана стать сильнее, чтобы быть способной выдерживать ту боль, с которой пришлось когда-то столкнуться Елене. Выдержать и не сломаться. Выстоять. И пойти вперед.

5

— Откаты в ее случае — неизбежны. Это нормально, привыкайте.

Последние полгода Маша постоянно возвращалась к подлой мысли, что завидует родителям детей с инвалидностью физической, будь то отсутствие глаза у ребенка или нарушение работы опорно-двигательного аппарата. Она видела таких людей на улице, все видели, и их матери получали понимание и сочувствие, которого Маша была лишена.

Детей с особенностями ментального развития опасались, избегали, на их матерей косились и в лучшем случае делали вид, что не замечают, а в худшем — лезли с рекомендациями, что именно должна делать мать, чтобы «лучше воспитывать» своего неудобного капризного ребенка.

Детей на костылях пропускали в школу, придерживая дверь, помогали спуститься по лестнице или, с выражением сочувствия на лице, подавали откатившийся на дорогу мяч, — с ними было очень легко почувствовать себя хорошим человеком, а всем так нравится быть хорошими людьми. Особенно если цена такой добродетели — всего лишь дверцу придержать, а не, упаси боже, признать, что чужое несовершенство, это не сбой системы, а ее норма.

Над ребенком с аутизмом в школе в лучшем случае смеются. В худшем — родительский комитет организует травлю под эгидой: «Наши умненькие мальчики и девочки не должны страдать оттого, что мамаша решила притащить своего умственно отсталого ребенка в обычную школу». В подавляющем большинстве случаев никто не вникает в терминологию, не делает различий между умственной отсталостью, аутизмом или тяжелыми формами СДВГ, — другие диагнозы тоже, в разговоре, превращаются в покручивание пальцем у виска вкупе с презрительной усмешкой.

Ева не пойдет в школу — так сказал врач, — но реабилитация и ежедневные многочисленные занятия с ребенком дают удивительные результаты. В обычной беседе, находясь дома, болтая с Евой перед сном, рассказывая ей сказку или при совместном просмотре мультика, Маша систематически забывала, что она отличается.

Однако стоило выйти на улицу, стоило посмотреть на то, как глупо, неправильно, в нарушение всех социальных протоколов Ева пытается с кем-то подружиться, как громко и неуместно кричит невпопад, как очередная мама утаскивает очередного ребенка с площадки, косясь на Машу так, будто та на площадке голая с бутылкой водки стоит, как Маша все вспоминала.

Как только ей становилось полегче, как только начинало казаться, что она справляется — ее снова прибивало к Земле, снова кидало в жар того первого дня в клинике, когда даже морозный воздух не мог охладить ее полыхающую в адском пламени душу.

— Это ад, мой персональный ад. Нет, не ее диагноз, не сложность реабилитации, не ежедневные слезы от попыток заучить самые простые, самые базовые правила поведения, а то, что моя психика за чем-то каждый раз забывает: Ева другая, всегда была и всегда будет другой.

Спустя несколько лет, когда Ева уже освоит базовую речь, она будет сидеть с ней у своей коллеги в гостях, дети будут играть в соседней комнате, и Маша снова забудет о том, что это все не по-настоящему. Дочка коллеги откроет дверь и скажет, что соседские дети позвали ее гулять во двор. Маша, улыбаясь, посмотрит на веселую, покрасневшую в пылу игры Еву, натягивающую ботинок и готовую спускаться на улицу. Заметит растерянный взгляд дочери коллеги и ее нетвердое:

— Нет, Ева, я не могу тебя взять. Ну, то есть могу, если ты сможешь вести себя по-другому. Не так, как ты...

Она окончательно запутается и засмущается. Коллега улыбнется дочке и скажет, чтобы та шла и ни о чем не переживала. Они начнут болтать о том, что надеть на улицу и во сколько

вернуться домой, а Маша отвернется к стене, не в силах выдержать взгляд дочери, которая никак не может понять, что же именно ей нужно сделать, чтобы ее взяли к другим детям. Маша закроет глаза и почувствует, как нож снова и снова вонзается чуть ниже пупка, врезается в ее плоть и медленно прокручивается там, наматывая и разрезая кишки.

Дочь коллеги, нормальная, обычная дочь коллеги, убежит на улицу, а Ева так и останется сидеть на полу в прихожей в одной ботинке, постепенно, как-то по-своему, но абсолютно верно понимая, что именно сейчас произошло. Она не заплачет, просто угрюмо замолчит, теребя шнурок в руке. Губы ее сожмутся — впервые не от слез, не от нежелания выполнять указания врачей, а от осознания себя другой.

Маша была бы готова руку себе отрезать, вырвать глаза — что угодно сделать, вообще все что угодно, лишь бы ее дочь никогда не поняла, что никогда не будет такой, как эта девочка. И что такие — «эти девочки» — никогда ее не примут. Что ее, открытую этому миру, чуть отличающуюся душу, будут пинать снова и снова, отвергать, унижать и снова отвергать. Пока она не начнет вести себя ну... по-другому, не так, как она... а по-другому она не сможет. В этом и были вся суть и весь ужас тех слов, сказанных несколько лет назад в кабинете реабилитационного центра.

6

Ехать решено было через Стамбул: так и билеты дешевле, и с подругой встретиться можно. Маша неоднократно бывала за границей, но в основном это касалось прибрежных отелей, прямых трансферов из аэропорта и полностью организованного отдыха: со страховками, детскими горками и очередями за свежими блинами в ресторанах у бассейна. Да и ездила она всегда только с Русланом и Евой, пока та была мелкая. А потом началась реабилитация, развод и этот бесконечный день сурка, от маленьких побед до больших провалов, и так раз за разом.

При мысли от Турции у Маши сжималось сердце — как бы ни было банально, но именно с этой страной были связаны чуть ли не самые счастливые воспоминания ее жизни. Каждый раз, с момента их первой поездки сюда, это были дни, наполненные радостью, вкусной едой и бесконечным контактом с Русланом и Евой. Здесь они как будто прилипали друг к другу, обнимались постоянно, прикасались к телу: то кремом намазать, то панаму поправить, то в бассейне носить друг друга на руках. И говорили — очень много, шумно и не о чем, но хорошо говорили. В этой стране Маше всегда было чертовски легко, солнечно до запаха горелой кожи на плечах, и всегда невероятно вкусно. Из этих поездок Маша возвращалась с облезшим носом и парой-тройкой наеденных килограмм, ни о чем не жалела, однако. Сразу по приезде начинала планировать новое путешествие.

«Один из способов проживания разводов, — говорят психологи, — создавать новые воспоминания, в том числе и в местах, напрямую связанных с бывшим партнером, с прошлой жизнью». Для Маши эта тема была просто закрыта: денег на это не было, и где их взять, она представляла слабо. Конечно, после всего произошедшего она вернулась на работу и даже выпросила повышение заработной платы — несмотря на постоянные прогулы по болезни ребенка и необходимости отгулов для реабилитационных мероприятий. Однако даже при ее уже неплохой по средним меркам зарплате, даже при оформленной инвалидности, ей приходилось очень много тратить.

Вообще, если целью является достижение результата в терапии, ты не будешь довольствоваться государственными клиниками, очередями на электрофорез, и тратить время на выживание бесплатных лекарств. Ты будешь искать частных высококвалифицированных специалистов, будешь водить ребенка не к доступному, а к лучшему логопеду-дефектологу, ты из кожи вон вылезешь, но будешь оплачивать и бассейн два раза в неделю с тренером, и иппотерапию по субботам. Постоянно будешь пробовать новые методы лечения — а все это не покрывается той суммой, которой государство помогает матерям детей с дополнительными потребностями.

Даже если бы деньги были, то думать о путешествии, допустить возможность счастья снова — было странно, невыносимо. Казалось, стоит ей улыбнуться, чуть расслабиться и поверить в то, что все будет хорошо, — как жизнь со всего маху ударит ее лицом об асфальт. Не лучше ли в этой ситуации перестать пытаться жить и верить в то, что бывает иначе? Просто делать то, что должна делать для Евы, жить, работать, стараться с мамой слишком сильно не ссориться. В конце концов, ведь иллюзия возможности достижения абсолютного счастья сломала судьбу не одному человеку — зачем ей быть в их числе?

Оборачивая чемодан в прозрачную синюю пленку в аэропорту, Маша осознала, что не помнит, когда она в последний раз по-настоящему чего-то прямо хотела. Хотела именно так, чтобы задуматься, замечаться — и хорошо так, хотя бы даже просто в голове. Разучилась. Антидепрессанты принимала долго — они выровняли состояние, жить стало легче, прошла апатия, но самого желания жить больше не стало. Все, что было в ее жизни, будто сводилось к ощущению долга: перед Евой — быть достойной, сильной матерью, перед коллегами — надежным и трудолюбивым сотрудником, и перед мамой — хорошей дочерью. В последнем пункте,

правда, по факту рождения Маша уже провалилась, но с остальными шансы еще оставались — и плюс-минус даже удавалось скакать на этих двух конях в разные стороны одновременно.

А здесь снова. С удивлением Маша поймала себя на чувстве предвкушения. И внутри словно мурашки по желудку бегают. «Это что же получается, я теперь Стамбул увижу? Не на заставке рабочего компьютера, а вживую? Постою у Босфора, попрыгаю по мостам с одного берега на другой, и выпью приличное количество турецкого вина под вкусную еду на закате?»

Мысли радовали. Но больше радовало то, что такие мысли вообще вызывали хоть какие-то чувства. Как будто из прошлой жизни что-то.

Поспать в самолете не удалось: нервное напряжение стучало в висках, сердце билось в венах, то ли любопытство, то ли тревога, то ли все вместе категорически прогоняли необходимый, но не очень-то настойчивый сон. Да и дети орали страшно, а еще и турбулентность эта несчастная. Как вообще можно спать спокойно, когда твой самолет крыльями машет? Он не птица и не должен ими махать, но нет, черт побери, этот боковой ветер и турбулентность.

С учетом дороги до аэропорта, очереди на таможенный контроль, ожидания посадки и этих часов в небе, Маша была без Евы уже девять часов. Она пыталась вспомнить, когда в последний раз они расставались так надолго, и не смогла.

Пока дочь была маленькой, ее не особо оставляли с кем-то — Ева всегда очень капризничала и долго плакала, если мама пропадала из поля зрения хоть ненадолго. А Маша знала, что она будет капризничать и плакать, так что старалась особо из поля зрения не пропадать. Она всегда говорила себе, что пройдет совсем немного времени, дочь подрастет и перестанет настолько в ней нуждаться. А там уже можно будет — и на день и даже на выходные оставить с бабушками. Потом и на неделю вдвоем с Русланом слетать куда-нибудь. Чуть-чуть подождать, и Ева перестанет в ней нуждаться. Кто же знал.

— Это всего лишь воздушные ямы — как на дороге выбоины, только в воздухе. Не волнуйтесь вы так. — Крупный мужчина с пушистой бородой в соседнем кресле ободряюще улыбался, глядя то на Машу, то на руку, которой она впивалась в общий подлокотник в моменты, когда кочки на дороге становились очень уж некомфортными. Маша попробовала улыбнуться в ответ, но, судя по тому, что мужчина поспешил от нее отвернуться, улыбка, вероятнее всего, больше походила на оскал дикого зверя у своей берлоги, чем на приветливое полушутливое общение двух случайных соседей.

В этом ведь и проблема: они в воздухе. На какой-то очень большой высоте (Это как раз не так важно, точно выше, чем пятиэтажка). А не на дороге, где земля все же под ногами, пусть даже на большой скорости. Не сказать, чтоб Маша прямо аэрофобом была, во всяком случае до этого момента.

В детстве жили они просто, и о том, что бывают путешествия с родителями, Маша знала только из кино — да еще благодаря соседской девочке Алисе. Та жила на пятом этаже, прямо над ней.

В очередной день Маша поднялась к Алисе, чтобы вытащить ее на улицу — было лето, жарко и дома сидеть не было никаких сил. Дверь открыла тетя Таня — загорелая, темноволосяя, красивая женщина лет эдак под шестьдесят, как тогда казалось Маше. Сейчас-то она понимала, что ей было не больше тридцати пяти. Она улыбнулась и позвала дочь. Та, махнув хилой белой косичкой, забавно контрастирующей с мамиными густыми темными волосами, вылетела к Маше, держа в руках какую-то статуэтку.

— А мы из Греции вернулись! Мы отдыхали на море, а еще ездили в Афины! Это оттуда, — она протянула Маше маленькую аляповатую статуэтку: на сером каменистом основании стояли белые неровные колонны, за ними было море (почему-то), а наверху плясал безвкусный желтый шарик, а-ля солнце. Надпись внизу на камне гласила: Athens. — ты знаешь Афины?

Маша знала. На восьмилетие мама подарила ей энциклопедию по Географии известного детского издательства — с красивыми плотными листами и огромным количеством картинок.

Внутри помимо подробного разбора почвы, атмосферы планеты и всяких жуков, были страницы с чудесами света: там был и белоснежный Тадж-Махал, и удивительные пирамиды Хеопса, и Акрополь в Афинах тоже был. Маша тогда смотрела на Алису и не могла понять, как это возможно вообще, чтобы вот эта девочка была вон там, внутри вот этой статуэтки — буквально ходила, по страницам Машиной энциклопедии. Для Маши Акрополь Афин был таким же великим, недостижимым и почти выдуманным, как какой-нибудь Марс из энциклопедии про космос, которую она видела как-то у своего одноклассника дома. Все это было нереальным и с ее жизнью, конечно, несовместимым.

Нет, она не страдала и даже не понимала, почему вообще она должна была бы страдать. Она тоже загорела — еще похлеще белокожей Алисы. Тогда все лето они с мамой ухаживали за огородом. Добираться до дачи на электричке, а потом еще и на дачном автобусе было долго, но Маша любила это еженедельное приключение. Там был небольшой дачный домик, и после того, как несколько часов Маша копала, сажала или полола, она обливалась прохладной водой из большого алюминиевого таза и шла отдыхать в маленькой комнатке. Там всегда были книги, и Маша по третьему разу читала или «Путешествия Алисы», или «Динку», или смешную и добрую «Папа, мама, бабушка, восемь детей и грузовик». Куст сирени, росший вплотную к одной из стен дома, буквально падал ветвями на стол у окна, стоило только ставни раскрыть. Было счастливо и радостно, но без Афин и Пирамид Гизы.

Впервые Маша полетела в отпуск уже с Русланом, в их свадебное путешествие. И там, если самолету и случалось потрястись, рядом был любимый муж, а внутри — приличное количество выпитого вина, так что страху места не оставалось совсем. А потом все прекратилось.

Турбулентность, ненадолго отпустившая самолет, снова подключилась максимально. Капитан снова включил табло «пристегните ремни» и объявил, что самолет приступает к снижению. Планируемое время прибытия в Международный аэропорт Стамбула — семь часов утра, погода солнечная, температура — двадцать шесть градусов выше нуля.

Первое, что увидела Маша, выйдя из подземки — площадь с фонтаном в центре. Толпа кошек и пара мужчин с тележками, в которых продавались сдобные булочки и кофе. Старый прекрасный Султанахмет.

Погода стояла теплая, нежаркая. Турецкие мужчины улыбались, зазывая в многочисленные уютные кафе вокруг. Бегали кошки. Много кошек — они и правда были повсюду, — как и пишут в информационных туристических статьях про Стамбул — вальяжные, разноцветные, очевидно, более чем довольные своей сегодняшней жизнью. Но во взгляде сохранялся тот самый налет османского, величественного пренебрежения.

Как-то парадоксально быстро накрыло ощущением счастья. Ноги сами понесли к тележке с кофе и горячим сладким тестом. Здесь пахло дрожжами и пережжённым сахаром. Интересно тоже, стоит это все не так уж и дорого, а радости приносит на миллионы долларов. Если попадает в нужное время и в нужное состояние. И состояние, и время для Маши сейчас были самыми что ни на есть, подходящими.

Прошлась немного по площади — чемодан, как ни странно, не мешал. Вдохнула пересохшим после самолетного воздуха носом ароматы старого города, и села на каменную скамеечку под большим пушистым деревом. Кофе не обжигал, но приятной горечью обволакивал язык — это точно то, что нужно после ночи турбулентности. Отличный способ утвердиться в сознании того, что ты все еще жива.

Маша посмотрела на дома чуть дальше по улице, двух — трехэтажные, цветные, из камня и дерева. Они столпились словно стая бездомных кошек (опять кошки, но куда без них в Стамбуле?) и смотрели не то на Машу, не то на Босфор. Интересно, в каком веке они были построены? При каких царях, султанах? Сколько всего пережили эти стены. Сколько поколений младенцев кричали здесь своим первым криком, сколько этих младенцев потом выросло и в этих же стенах собирали уже свои собственные семьи, рожали своих собственных детей. Смогли

ли эти дома запомнить тех стариков, что всю жизнь с самого детства, выглядывали из этих окон, ходили по этим узким лестницам, и закрывали глаза в этих спальнях в свой последний раз. Маша надеялась, что дома помнили. Нельзя же, чтобы целая человеческая жизнь прошла бесследно и не оставила ни рисунка детского где-то под лестницей, ни сколотого косяка двери от бурной ссоры юных влюбленных.

«А ведь кто-то в подобном доме родился, жил, да и сейчас еще живет. Вон на первом этаже держит ресторан, а сам на втором жену обнимает, а на третий детей спать укладывать уходит под вечер. Хотя один из этих людей понимает, в каком уникальном, красивом и чертовски необыкновенном месте он родился? Осознает? Или это всеобщая участь — не замечать перед носом тех сокровищ, которые даны тебе просто по факту рождения? И все мечтать... мечтать о чем-то далеком и несбыточном и верить, что там-то точно лучше».

Все еще нестерпимо пахло выпечкой и чесноком, утро было мягким и прохладным, но солнце начинало припекать щеки, нос. Приятное чувство. Пора было двигаться в сторону залива — примерно через час ее ждала встреча с подругой в небольшом кафе, прямо на набережной, у моста. Город шумел, потягивался, просыпался, как толстый полосатый кот, расположившийся на столе уличного кафе между соусами и приборами. Шумели ставни открываемых лавочек, сигналили автомобили, истошно орали чайки. Жирные, белые, будто из мрамора вырезанные, птицы, тысячами парили над заливом. Эти ребята наверняка ощущали себя хозяевами города, только коты, пожалуй, поспорили бы.

Когда Маша приняла решение лететь через Стамбул, она немедленно сообщила об этом Алле — подруге времен университетской скамьи, в прошлом заядлой тусовщице, а теперь — полупрофессиональному гиду по руинам Стамбула и собственной послеразводной жизни.

Алла жила в Турции уже больше года. Предпринимала героические и абсолютно бесплодные попытки все-таки устроить как-то личную жизнь, а в остальное время водила туристов по самым интересным, хоть и не всегда самым популярным точкам города. Судя по тому, что желающих слушать ее истории про Стамбул всегда было много, — даже в низкий сезон, когда остальные гиды сидели без работы, — экскурсоводом она была действительно отличным. Много болтала, разбавляя глубокие и важные истории смешными и абсурдными сценами, шутиливо поправляла шляпы туристам и в то же время казалась человеком, который так и не может понять, что же он делает в этом городе вообще.

Алла была девушкой выдающейся не только в плане внешности, хотя и здесь было что отметить. Вся она была какая-то крупная: не толстая, ни в коем случае, именно крупная. Глаза голубые, ясные, большие, как будто чуть на выкате, маленький — но как будто круглый — нос и с детства пухлые, розовые, вечно чуть подсохшие и в трещинках губы. Про таких говорят: баба что надо, и коня на скаку остановит и в горящую избу войдет. Но только кони все не бежали, избы все не горели. Однако эта внутренняя уверенность в том, что все под контролем и идет как надо, с легкостью передавалась всем когда-либо окружавшим ее людям, дополняя и без того приятное впечатление от внешности. И уже не казалось таким уж важным то, что как надо, все, конечно, никогда не шло.

Маша часто задумывалась о том, а смогла бы она так же? Сорваться с насиженного и комфортного места, пусть даже не очень — то любимого, но такого привычного, и умчаться в закат в другую страну, чтобы жить совсем другую жизнь.

Маша жила в квартире, которую дали по ордеру еще ее маме. Потом приватизация, раз в десять лет ремонт. Удобная транспортная развязка, спецшкола совсем рядом по удачному стечению обстоятельств, парк, в котором Маша гуляла еще ребенком, а потом и с Евой, голуби как будто все те же — столпившиеся у скамеек с бабушками и их крошками хлебными.

Нет, все же Маша это не любила, но и как можно по-другому никогда не удосуживалась вообразить. Не в мечтах о доме в Португалии и винодельне под окном, а по-настоящему, в ее

настоящей сегодняшней жизни. А Алла взяла и сделала, хотя, возможно, тоже никогда себе этого не воображала.

Изначально Алла не была важным в ее жизни человеком, в университете близки не были, да и после почти не общались, только на общих встречах с друзьями и знакомыми. Маша всегда была скорее замкнутой и, выйдя замуж, обрадовалась возможности, теперь под официальными предложениями ни с кем не видется и не общается. Вроде как замужняя, вроде как все с пониманием относятся к твоему отсутствию. Алла же, наоборот, всегда была центром компании, мужского внимания и веселья. Она обожала людей, и те отвечали ей взаимностью. Парадоксально то, что при этих вводных данных, именно она сейчас так сильно страдала от одиночества, хотя в ее жизни действительно были классные отношения с хорошим, понимающим и адекватным парнем. Но это отдельная история, и была она уже давно.

В чем сила так называемого сестринства и что может дать поддержка подруги, Маша впервые поняла, столкнувшись с диагнозом Евы и одновременным ухудшением отношений с мужем. Алла тогда просто пришла, без лишних слов, вздохов и охов, обняла и сказала.

— Со всем ты справишься. Я девчонок сильнее тебя не встречала. С Евой все будет хорошо, а кто считает иначе — пусть к черту идут.

И с того момента как-то и завязалась дружба, если, конечно, это слово применимо к отношениям, в которых одна сторона безвозмездно отдает, а вторая едва на плаву держится. Всё-таки в дружбе предполагается и получать, и отдавать в плюс-минус равной степени — такой выгодный двум взрослым людям обмен, которого и близко не было в первый период этих отношений.

Весь тот первый год, Маша почти всегда молчала. Выдавала какие-то базовые бытовые вещи в паре предложений и то по крайней необходимости. Степень усталости после целого дня реабилитационных занятий с ребенком, попыток заниматься удаленно работой, за которую хотя бы деньги платят (а деньги улетали просто бешено, Руслан при этом как-то просто испарился) была просто сумасшедшей. Периодически он писал ей сообщения из серии «Если вдруг тебе что-то нужно я, конечно, постараюсь помочь, я сейчас выставил машину на продажу, и прямо сейчас денег нет, но потом если вдруг что, ты, конечно, пиши, правда, я переезжаю, скорее всего, и там столько денег, если честно, надо, но, в общем, надеюсь, у вас все хорошо, не теряйтесь». Но это только злило и отнимало еще больше энергии. А ведь еще надо было собрать в себе силы маме отвечать на каждый звонок и сообщение, где к Машиному собственному отчаянию и тревоге примешивалось пассивно агрессивное требование немедленно успокоить тревогу и отчаяние другого взрослого человека. Все это выжимало из нее те остатки сил, какие чудом восстановились после того полета в кабинете у детского психиатра.

При этом Алла все время буквально дежурила у Маши дома, приходила после работы, делала уборку, если надо, готовила еду, даже если было не надо, наливала вино и неизменно выдавала:

— С Евой все будет хорошо. А Руслан просто идиот, если такую девушку бросает.
или

— Ты любишь Еву, а значит, вы справитесь. Нет сильнее топлива, чем любовь, а ее у вас дома в избытке. Здесь никакая тьма не устоит.

И здесь крылось то, чем Маша ни разу и ни с кем не делилась. Если бы ее спросили прямо: «Любишь ли ты Еву?» — она бы ответила: «Да, конечно, она ведь моя дочь». По правде же говоря, она испытывала нечто смежное между любовью и нелюбовью.

Оба эти чувства были равносильны и равно натянуты, словно один большой канат, протянутый через всю душу Маши, а огромный узел на нем смещался то в одну, то в другую сторону.

Любовь — как нечто огромное, выросшее изначально из самой ее биологической структуры и неотделимое, словно само сердце или мозг. И нелюбовь, как социальный механизм, постоянно напоминающий: «Она мешает. Она испортила тебе жизнь. Если бы не она, ты была

бы счастлива, здорова и красива». Бесконечно жужжащий, разрывающий на части, этот голос всегда был где-то рядом. Пока сознание оставалось ясным, Маша отлично глушила этот мотор, но стоило ей просто устать — все это выползло и заполняло собой всю черепную коробку.

Алла не знала об этих мыслях — или что было куда более вероятным и в сотни раз более ценным, — делала вид, что не знала.

В общем, чем бы это ни было в начале, это точно стало дружбой в итоге — настоящей, взрослой дружбой.

Жизнь в Турции для Аллы могла бы стать сказкой. Количество мужчин, которым казалась невероятно привлекательной высокая молодая женщина с большими голубыми глазами, светлыми густыми волосами и белоснежной кожей, превышало все мыслимые и немыслимые пределы. Но с серьезными отношениями здесь как-то не складывалось. Уместно было бы сказать, что у нее и правда были высокие требования к мужчинам. Хотя под категорией «высокие требования» подразумевались совсем не капризы. Адекватность, например, хорошее чувство юмора, психологическая зрелость, ну и шепотка стремления к саморазвитию. Требования, как упорно демонстрировал жизненный опыт, граничащие с невыполнимыми.

На самом деле проблема была скорее в том, что сами по себе серьезные отношения — это очень сложно. Всегда. Нужно бесконечно находить в себе силы не просто любить, но и постоянно подстраиваться в каких-то вопросах под другого человека, слушать и слышать, и не через крик доносить собственные мысли. Сколько браков распадается по причине базового непонимания между партнерами — а это они ведь на одном языке говорят, а в случае с мужчинами другой культуры здесь еще такое разное прошлое: традиции, обычаи, шутки. У вас такие разные слова ассоциируются с детством, счастьем, войной. Когда вам было по шесть, вы бегали по слишком разным улицам, ваши мамы варили вам слишком разную еду, и в карманы курточек, ваши бабушки совали вам совсем разное печенье. Но это все переживается и проживается, если есть желание с двух сторон работать над отношениями и вкладываться в общее «мы». Неприятная правда была в том, что желания строить это самое «мы» у Аллы давно ни с кем не возникало.

Конечно, дело здесь было не в Турции, в итоге. И даже не в мужчинах, ее там окружавших. Но пока что она об этом не догадывалась.

Сейчас Алла пришла на встречу в прекрасном голубом платье, легких кроссовках и очках на пол-лица. Некогда совершенно белоснежная кожа загорела — выступили родинки и веснушки, а зубы казались такими белыми, будто все свои деньги она спускала на стоматологов. Они крепко обнялись, рассмотрели друг друга, улыбаясь, заговорили — словно продолжая разговор с того места, где он закончился больше года назад, — в момент отъезда Аллы из страны. Алла взяла меню и ткнула в несколько картинок пальцем, тут же улыбнулась подошедшему официанту, продолжая разговор с Машей, попивая кофе и доставая салфетку из сумки одновременно.

— Пришло время вина, я считаю.

— Алла, времени — завтрак, ну обед максимум, не рановато ли?

— Ну а кто виноват, что у нас с тобой здесь всего сутки, и успеть мне с тобой надо буквально все за эти часы? Но нам предстоит еще гулять идти, так что вино — только под плотную хорошую закуску. Ты ведь голодна?

— Вообще-то, я съела рогалик какой-то из теста...

— Голодная, это хорошо. Сейчас такое тебе здесь устрою, ты не представляешь, — Алла махнула рукой и что-то крикнула на турецком высунувшемуся из окна молодому кудрявому официанту.

Принесли вино в графине — ароматное, цвета чистого рубина — и разлили по бокалам. Машу повело от одного запаха. Вся турбулентность, все переживания дня: кошки, чайки, Алла, Стамбул и она здесь одна. Ей улыбается красивый мужчина из ресторана напротив — ну и что,

что ему от силы двадцать — улыбается же. Она не помнила, когда в последний раз в ее жизни случилось подобное. Без Евы она не ходила никуда, а стоило ей прийти с Евой в кафе или, не дай бог, ресторан, то в лучшем случае со стороны мужчин она видела жалость, в худшем — раздражение. А здесь словно не было этого всего, как будто это другая, ненастоящая реальность. Или все же та реальность ненастоящая? Но, как бы там ни было, Маша почувствовала, что улыбается. Щеками почувствовала и удивилась. Надо же.

А дальше ей в нос ударили запахи, как будто и без того ее мозг уже не сходил с ума от избытка всего. На стол полетели блюда — одно за одним — на больших белых тарелках. Принесли горячие лепешки.

— Это Менемен, душа моя, — с поддельным дурацким акцентом протянула Алла. — Это не еда, это утренний поцелуй турецкого солнца! Помидоры здесь сладкие, словно августовские ночи в деревне, а яйцо — нежное, словно руки бабушки, обнимающей тебя перед сном.

Маша засмеялась, макнула хлеб в сочный соус, съела, запивая вином и любуясь подругой, сияющей, роскошной в своем голубом платье и дурацком смешном амплуа, выбранном для этой игры.

— Да погоди ты, попробуй это. Это, моя хорошая, Его Величество Лахмаджун. Тонкое письмо любви, написанное тестом и специями. Прочти же его мятные строки, позволь развратному, горячему дыханию кориандра совратить тебя и вкуси наконец его томат. — Вместе со смехом вырвались слюни, не дожёванная лепешка и что-то по цвету весьма томатное. Люди на соседних столиках зашевелились, делая вид, что ничего не произошло. Маша смеялась, Алла тоже. Было очень, очень хорошо в душе. А еду тем временем все приносили.

— Душенька моя, богиня женской красоты, Афродита моего сердца, хочу представить тебе настоящий Кюнефе, а не ту ерунду, что вам подавали в вашем «все включено» отеле. Настоящий Кюнефе — это невеста: юная, страстная, до утра танцующая с распущенными волосами. Хруст, который ты почувствуешь — долгожданный и нетерпеливый, словно первая брачная ночь, а сыр внутри — это блаженство, поджидающее влюбленных на их вечном пути страсти и любви.

Маша улыбнулась, положила в рот кусочек горячего десерта и почувствовала мурашки блаженства, сначала будто бы собравшиеся стайей у груди, и тут же быстро, врассыпную, рванувшие по рукам к кончикам пальцев.

Есть люди, очень чувствительные к сенсорным ощущениям и для них подобное чуть ли не ежедневная роскошь. Маша была из толстокожих, и в этом смысле подобными впечатлениями совсем не избалована. Такое бывало чисто на физиологическом уровне, но, чтобы так напрямую коррелировало с состоянием внутреннего блаженства... Разве что, когда она с Русланом была. И не в моменты секса или сильного возбуждения, хотя и такое бывало — не в моменты первой близости или ожидания звонка в первые месяцы отношений, а позже, когда они уже съехались. Бывало, поздно вечером, уставшая после работы, она падала лицом в подушку — поднывая и ругаясь на всех и вся. А он садился рядом, брал в одну руку книгу, а другой — легонько, едва касаясь, гладил ее по спине. Гладил и гладил, пока дыхание не становилось окончательно ровным, и негатив целого дня не уступал место спокойному, комфортному счастью.

Тогда она не понимала, что это оно и есть — просто чувствовала, что ей хорошо. Тело блаженствовало, душа успокаивалась, хотелось давать нежность и любовь в ответ. Но, если бы спросили, счастлива ли она, — вряд ли смогла бы сказать, что да. На работе было сложно, денег не хватало ни на что, с мамой — скандал на скандале. А жизнь с Русланом — ну, она просто ведь... была.

«Интересно получается: именно сейчас, под мурашки от кюнефе, понять, что в моей жизни было большое настоящее счастье. Пусть и недолго».

Маша с трудом сглотнула вино, резко вставшее в горле.

— Руслан умер. Я здесь потому, что мне нужно в Испанию — к его адвокату. И на его могилу, наверное. — Постепенно набирая темп, Маша рассказала подруге все: начиная с того звонка вечером месяц назад, закончив своими глубокими сомнениями в адекватности происходящего.

Алла выслушала Машу внимательно, отпила кофе и сказала:

— Поеду с тобой, пожалуй. К черту эту Турцию — ловить мне здесь нечего. А обсудить с тобой все, что я хочу успеть обсудить до твоего вылета, не представляется возможным — тем более шенген у меня все еще есть. Помнишь, полгода назад я моталась в Грецию? Поездка была бесполовая, зато визу на два года дали.

Маша пила кофе, снова улыбалась, слушала Аллу, и внутри растекалось что-то тихое и теплое. Нет, решение подруги не вызвало в ней ни грамма удивления. Она поймала себя на мысли, что почувствовала бы его скорее, если бы та ехать не решилась. Принятие быстрых решений было как раз максимально в ее духе.

Маша вдруг осознала, что за время общения текстовыми сообщениями, умудрилась забыть, какой у Аллы голос. А голос у нее был смуглый, приземистый, бесстыдно громкий. Если бы можно было звуком описать изобилие — то голос Аллы подошел бы безупречно для этой цели.

— Я должна предупредить, что не совсем понимаю, ни что там произошло, ни на сколько это затянется все. Да я вообще не до конца уверена, что знаю, зачем я туда еду. Ну какое у него могло быть наследство, прости господи? Этот человек джинсы три года одни и те же носил, пока я ему другие не купила. Ну кого смешить — то?

— Странно это все. Но мы не должны забывать, что именно так и начинаются самые интересные истории в жизни. Так что я еду с тобой. Надеюсь, авиабилет есть на твой рейс не за очень много денег.

Алла достала телефон и погрузилась в вопрос покупки билета, Маша в это время смотрела на нее и думала только о том, как ей хотелось бы уметь жить так — легко и дерзко.

— Я устала, Маш. — Неожиданно. На экране телефона висел оформленный билет, ожидающий оплаты. Первый раз за эти часы Маша удивилась и, кажется, поняла, что воспринимает Аллу иначе — возможно, чуть более поверхностно. Она как будто привыкла, что проблемы у нее, а Алла она, — другая совсем. У нее все легко, даже когда все очень сложно. Но сейчас, в этих двух словах, она увидела тотальную внутреннюю опустошенность и усталость живого, загнанного и, кажется, не очень счастливого человека.

— Я так много работала этот год, что, кажется, забыла зачем. Зачем уехала в Турцию? Зачем живу у моря? Зачем эта работа, в конце концов?

В эту минуту Алла наверняка почти забыла, почему же она уехала.

— Я думала, ты любишь эту работу. И эти путешествия, — это ведь мечта, недостижимая и недоступная большинству людей. Ты уверена, что происходящее с тобой — не просто выгорание временное? Я не имею в виду, что тебе в Турции остаться надо, нет. И я не хочу, чтобы ты подумала, что я как-то обесцениваю... и я очень рада, конечно, что ты едешь со мной, да блин... ну ты поняла. — Маша растерянно лопотала что-то из правильного. Того, что хорошая подруга скажет расстроенной подруге в такой момент. Но и мысль свою старалась не терять, а в итоге получился бред полный. Аллу это как будто не трогало.

— Просто мне... мне, твоя жизнь казалась идеальной. Ну почти. И я просто удивлена.

— Ну, мне она в какой-то момент тоже такой казалась. Но, если честно, я устала от того, что люди смотрят и не видят, ждут чудес каких-то от меня — чаек, перелетающих через дельфинов, — а красота, история и религия их не касаются.

Знаешь, я тут сидела на крыше одного отеля в Султанахмете вечером, пила горячий чай. Ветер с Босфора знатно продувал спину, так что я попросила плед. Сiju я, укутавшись в этот плед, мне приносят мясо на горячей сковородке, кружка вкусного чая в руке, а передо мной —

два мировых столпа архитектуры и религии. Слева — подсвеченная огнями, голубая Мечеть. Одна из главных мечетей мусульманского мира, место паломничества. Красивое, статное, вечное сооружение. А буквально в нескольких десятках метрах от нее, на той же площади — Великолепная Ай София. Монументальная, величественная, построенная полторы тысячи лет назад, и все еще стоящая здесь.

Вся наша русская православная культура, все наши церкви деревенские и великолепные соборы — все отсюда, в каком-то смысле. Из Константинополя. Из Ай Софии.

И стоят они друг с другом рядом — два мировых столпа таких разных религий — и не ссорятся. И вроде бы разное их наполняет: здесь ислам, там христианство, тонкие минареты и пухлые округлые купола, в одном сегодня азан, в другом, когда-то раньше, литургия. И вроде разные они сами по себе, а вроде бы одно и то же. И то и другое — продукт вдохновенной, чистой любви человека к Богу. Смотрят на нас, наверное, и смеются между собой, дескать, вон опять пришли, опять что-то делают. Столько поколений людей и встретили, и проводили. И православных, и католиков, и мусульман через свои двери запускали. Слушали их радости и боли — в основном боли, конечно. Что им, этим зданиям, глубоко наплевать, кем их там сейчас считают. Они-то точно знают: все пройдет. И это тоже.

Я вчера проводила экскурсию здесь. Все это рассказываю, значит, и прошу задавать вопросы. И знаешь, какой единственный вопрос мне задал турист? Правильно. Где здесь проституток найти?

Как тебе?

Остальная группа похихикала тоже. Мне в итоге даже чаевые приятные оставили. А домой пришла вечером, легла лицом к стене и пролежала так часа четыре, мне кажется. Стойкое ощущение, что меня помоями облили. Понимаешь?

— Знаешь, он идиот. Я не представляю, как ты столько времени работаешь с людьми каждый день — еще и с разными. Это безумие. Я в своей-то работе, сталкиваясь в основном с другими юристами — как правило, с одними и теми же — периодически хочу, чтобы все закончилось просто, хотя бы на день. А в твоем случае другое совсем.

Маша глотнула еще вина, посмотрела на тучи, внезапно набежавшие со стороны Босфора — еще не дождевые, но крупные, кустистые.

— Уверена, что не любишь больше эту работу? Я бы тебя слушала и слушала, только бы кофе обновляла в кружке. А люди, ты сама прекрасно знаешь, — многого требовать от них не приходится. Может, он потому у тебя про женщин продажных спрашивал, что, столкнувшись со всем величием, описанным тобой, просто не смог справиться с ощущением собственной ничтожности?

— Да понимаю я, все понимаю. Я могу только давать это все — а люди решают брать или нет. Все чаще не берут. И мне от этого грустно. Как будто показываю любимую игрушку взрослым, жду от них такого же восторга, который сама испытываю, а вместо этого от меня отмахиваются и говорят идти уроки делать, а не фигней маяться.

— Неприятный мир взрослых. А Хасан как отнесется к твоему внезапному отъезду? Есть ощущение, что это ему может не очень-то понравиться, а я точно не хочу, чтобы из-за моих проблем у моей подруги рушилось ясное и светлое будущее.

— А Хасан, полагаю, не отнесется никак просто потому, что он об этом не узнает. Он несколько недель назад написал мне сообщение. Сказал, что понимает, как это некрасиво с его стороны и как он не прав. Любить он меня, конечно, любит, больше всего на свете, и вообще никогда в его жизни не было такой девушки, как я. Но вместе нам быть просто не суждено. Там еще про семью было — что ему она нужна, а жениться на мне он не может, потому что это решение не примут в его семье. И про то, что я должна понять — со мной ему было очень хорошо, ему жаль и дальше по тексту. Сообщение. У него даже не хватило смелости встретиться и лично в глаза мне сказать.

— Это просто ужасно. Гадко. Мне казалось, что у вас изначально все было как-то эмоционально, но ты вроде бы получала удовольствие от этих отношений. Есть вероятность, что после такого излияния чувств он все же на коленях будет ползать перед тобой и умолять вернуться?

— Во-первых, даже если бы после этого он решил объявиться снова, то был бы послан далеко и надолго. А во-вторых — что-то мне подсказывает, что он не захочет. У него свадьба на днях. Меньше, чем через месяц после «разрыва».

Маша молчала. Щеки покраснели, она плотно сжимала побледневшие губы. Ее ноздри крыльями то раздувались, то снова опускались на место. Создавалась впечатление — не такое уж и ошибочное — что она просто боится открыть рот, чтобы не сказать ничего лишнего в момент накрывшей ее ярости. Она сделала последний глоток вина, пытаясь протолкнуть застрявшие слова обратно внутрь, прокашлялась и, наконец, сказала сдержанно и спокойно:

— А знаешь что? Пошел бы он. Что там по билетам?

7

— Женщина, а чего это девочка у вас так мычит? Вам бы к врачу обратиться -ненормально это. Маша, запыхавшаяся, залетевшая в лифт с упирающейся и явно не желающей прекращать трехчасовую прогулку Евой, судорожно пыталась расстегнуть заевший замок, беспощадно зажевавший часть шарфа. Одной рукой удерживая куртку, другой пытаясь обнять Еву так, чтобы та не выбежала из закрывающегося лифта обратно, она в недоумении посмотрела на женщину лет шестидесяти, презрительно, сверху вниз, наблюдавшую всю разворачивающуюся в другом углу лифта картину.

Сегодня была хорошая прогулка. Дети на площадке, которые помладше, даже немного поиграли вместе с Евой — отчего та пришла в абсолютный восторг. В обычные дни дело заканчивалось тем, что Ева бежала к детям, пыталась играть с ними, а те смеялись, толкали ее с горки и выкрикивали тяжелые обидные слова. Ева их не понимала, смеялась вместе с ними, а Маша, пытаясь удержать разрывающую боль внутри живота, тихонько брала ее за руку и пыталась увести с площадки. Ева упиралась, плакала, кричала громко, дети смеялись, однако достаточно быстро теряли к ней интерес и бежали заниматься своими делами. Это случалось настолько часто, что Маша поймала себя на том, что пытается найти любые поводы, не ходить с ней гулять: то боль головная, то погода не подходящая, то подготовка к следующему занятию у логопеда-дефектолога. Но и психотерапевт, и невролог хором говорили: прогулки очень важны для коррекционной работы, — они напрямую влияют на состояние нервной системы и могут достаточно сильно помочь и в запуске речи, и в поведенческой терапии. Поэтому Маша гуляла. Каждый день. Старалась выбирать те площадки в их районе, где бывало меньше детей.

— У нее сенсорно-моторная алалия. Поэтому она так говорит. — Маша отчеканила это на автомате. Зачастую в день ей приходилось повторять это по несколько раз, ведь неравнодушные взрослые стремились напомнить ей о том, что с ребенком что-то не так, как будто она сама этого не видела.

— Ну так заниматься надо ребенком и не будет ничего. В наше время ни у кого ничего не было, а сейчас напридумывали себе диагнозов. Не лениться надо просто, а то в телефоны уткнуться...

Лифт остановился на пятом этаже. Маша покрепче сжала Евину ладошку в своей и резко постучала в нужную квартиру еще до того, как створки лифта раскрылись до конца. Дверь открыла Алла — в пижаме и очках, которые носила только дома. Она была такой уютной, от нее исходил такой комфорт и душевное равновесие, что Маша, не в состоянии выдать ни слова, просто упала в руки, раскрытые для объятий, после чего сползла на пуфик в прихожей. Глухо зарыдала, все еще стараясь сдвинуть боль внутри, проглотить ее, чтобы не разнесло весь окружающий мир потоком этого страдания. А Ева, не понимая, что происходит, неловко карабкалась к ней на колени — миниатюрная в скользких штанишках она обнимала свою маму, вдруг ставшую какой-то маленькой и грустной, неровно вытирала рукавом курточки слезы с ее щек и пыталась поймать взгляд, спрятанный глубоко в ладошки. Теплая шапка на Евиной головке нелепо перекосилась, закрыв один глаз. Грязный снег на ее ботинках быстро растаял, превратив светлые зимние штаны Маши в нечто, напоминающее шахтерскую робу. Маша с силой надавила на веки, одним движением грубо вытерла остатки слез и встретила наконец глазами с Евой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.